

DOI: 10.29141/2218-5003-2026-17-2-2

EDN: BKUAAO

JEL Classification: D13, J16, J22

Куда уходит время? Между работой и домом: паттерны использования времени в России

Л.С. Скачкова, Д.Д. Кривошеева-Медянцева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, РФ

Аннотация. На фоне трансформации рынка труда и сдвигов в демографической структуре общества вопросы управления временем и поиска баланса между работой и личной жизнью занимают все более заметное место в социально-экономических дискуссиях. Между тем реальные паттерны использования времени в России остаются недостаточно изученными. Исследование направлено на верификацию ключевых тенденций в распределении суточного фонда времени российского населения с учетом дифференциации по полу, возрасту, статусу занятости, наличию детей и уровню доходов домохозяйства. Теоретическую основу работы составили труды С.Г. Струмилина, посвященные систематическому изучению бюджетов времени, теория распределения времени Г. Беккера, концепция рутинизации временного пространства Э. Гидденса, а также сравнительные методики анализа использования времени Дж. Гершуни. Применялись методы описательной статистики и кросс-табуляционного анализа. Эмпирическую базу образуют микроданные выборочного наблюдения Росстата за 2024 г. (124 461 дневник, респонденты в возрасте 15–75 лет). Выявлено, что структура суточного фонда времени жестко детерминирована биологическими и рабочими ритмами, что существенно сужает пространство для досуга и саморазвития. Зафиксировано устойчивое воспроизводство феномена «второй смены»: при сопоставимой с мужчинами продолжительности оплачиваемой занятости женщины несут значительно большую нагрузку в сфере неоплачиваемого домашнего труда, включая рутинные бытовые обязанности и уход за детьми. Подтвержден «штраф за материнство»: у женщин с детьми раннего возраста время на оплачиваемую работу сокращается на фоне возрастающей бытовой нагрузки. Показано, что рост доходов домохозяйства ведет к сокращению времени на домашний труд, высвобождая ресурс для иных видов деятельности. Результаты исследования вносят вклад в осмысление временной бедности как самостоятельного измерения социального неравенства и могут быть использованы при разработке мер социально-экономической политики и совершенствовании политик в области управления персоналом.

Ключевые слова: бюджет времени; гендерное неравенство; домашний труд; неоплачиваемая работа; вторая смена; временная бедность.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта Южного федерального университета в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (проект «Формирование научного задела в области социально-экономических исследований: российско-сербский консорциум»).

Информация о статье: поступила 19 декабря 2025 г.; доработана 18 февраля 2026 г.; одобрена 2 марта 2026 г.

Ссылка для цитирования: Скачкова Л.С., Кривошеева-Медянцева Д.Д. (2026). Куда уходит время? Между работой и домом: паттерны использования времени в России // Управленец. Т. 17, № 2. С. 18–37. DOI: 10.29141/2218-5003-2026-17-2-2. EDN: BKUAAO.

Where does time go? Between work and home: Time use patterns in Russia

L.S. Skachkova, D.D. Krivosheeva-Medyantseva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The issues of time management and work-life balance have become increasingly prominent in socio-economic discourse, particularly against the backdrop of labour market transformation and shifts in the demographic structure of society. Nevertheless, the actual patterns of time use in Russia remain insufficiently explored. The study aims to identify and verify key trends in the distribution of the daily time budget by the Russian population with differentiation by gender, age, employment status, presence of children, and the household income level. The theoretical foundation of the research rests on Strumilin's pioneering work on the systematic analysis of time budgets, Becker's theory of the allocation of time, Giddens's theory of structuration, and Gershuny's comparative methodologies for time use analysis. Descriptive statistics and cross-tabulation analysis served as the primary analytical instruments. The empirical base includes microdata from Rosstat's sample observation for 2024 (124,461 diaries; respondents aged 15–75). The findings indicate that the structure of the daily time budget is strongly determined by biological and occupational rhythms, which considerably constrains the time available for leisure and self-development. The paper documented the persistent reproduction of the “second shift” phenomenon: despite spending a comparable number of hours in paid employment, women bear a significantly higher burden of unpaid domestic labour encompassing routine household tasks and childcare responsibilities. The “motherhood penalty” was confirmed: among women with young children, the amount of time devoted to paid work declines while domestic workload increases substantially. The study demonstrates that rising household income is associated with a reduction in time spent on domestic labour, thereby releasing resources for alternative activities. The findings contribute to the conceptualization of time poverty as a distinct dimension of social inequality and may inform the development of socio-economic policy measures as well as the improvement of human resource management policies.

Keywords: time budget; time use; gender inequality; housework; unpaid work; second shift; time poverty.

Funding: The research was supported by a grant from Southern Federal University as part of the Strategic Academic Leadership Program "Priority 2030" (project "Building a research base in socio-economic studies: A Russian-Serbian consortium").

Article info: received December 19, 2025; received in revised form February 18, 2026; accepted March 2, 2026

For citation: Skachkova L.S., Krivosheeva-Medyantseva D.D. (2026). Where does time go? Between work and home: Time use patterns in Russia. *Upravlenets / The Manager*, vol. 17, no. 2, pp. 18–37. DOI: 10.29141/2218-5003-2026-17-2-2. EDN: BKUAAO.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика распределения времени приобрела в последние годы отчетливо выраженную актуальность в российских исследованиях и практике управления. Сложилось сразу несколько обстоятельств, которые существенно изменили привычный распорядок жизни значительной части населения.

Дистанционная и гибридная занятость, распространившаяся вынужденно и ускоренно в период пандемии, подорвала привычную логику чередования труда и отдыха. Рабочий день, прежде имевший более или менее четкие временные и пространственные границы, эти границы фактически утратил. Корпоративные мессенджеры, облачные сервисы и смартфоны создали режим непрерывной профессиональной доступности, при котором формально нерабочие часы нередко поглощаются служебными задачами. По существу, речь идет о латентном удлинении рабочего дня, которое нигде официально не фиксируется, однако ощущимо сокращает время, доступное человеку для личных и семейных нужд. Общественный резонанс данной проблемы прослеживается сразу на нескольких уровнях – в парламентских обсуждениях законодательного закрепления «права на отключение» и в одновременном росте популярности практик сознательного управления личным временем.

Предъявляет собственные требования к семейному бюджету времени и демографическая ситуация. Старение населения влечет рост объемов неоплачиваемого ухода за пожилыми, и эта нагрузка ложится на трудоспособных членов семьи, нередко и без того загруженных работой. Параллельно меняется репродуктивное поведение: рождение детей откладывается на более поздний возраст, средний размер семьи сокращается. В результате забота о детях и уход за престарелыми родителями нередко совпадают по времени – формируется так называемое сэндвич-поколение: люди, зажатые между двумя поколениями одновременно [Grundy, Henretta, 2006; Черных, Назарова, Локтюхина, 2023].

Отдельного внимания заслуживает проблема гендерной асимметрии в распределении бытовых обязанностей, устойчиво воспроизводящейся в российских домохозяйствах. Непропорционально высокая доля неоплачиваемого труда, приходящаяся на женщин, существенно ограничивает их возможности для профессиональной реализации и построения карье-

ры. Концепция «второй смены» [Hochschild, Machung, 2012], введенная несколько десятилетий назад для описания двойной занятости работающих женщин, не утратила объяснительной силы, но насколько точно она описывает российскую реальность сегодня, требует отдельной проверки. При наличии детей ситуация усугубляется еще больше: к двойной нагрузке добавляется пласт обязательств, который принято называть «третьей сменой», и дефицит времени у женщин становится особенно острым.

Таким образом, время как исчерпаемый ресурс выступает определяющим фактором качества жизни, производительности труда и благополучия населения [Mogilner, Whillans, Norton, 2018]. В связи с этим целью настоящего исследования является верификация основных тенденций в распределении временных ресурсов российского населения на новых эмпирических данных дневников повседневных практик Росстата за 2024 г., с выделением различий в зависимости от пола, возраста, статуса занятости, наличия детей и уровня доходов домохозяйства. Систематизация данных о соотношении оплачиваемого и неоплачиваемого труда, выявление гендерных паттернов распределения времени и идентификация специфики временных затрат работающих и неработающих граждан позволят также сформулировать практические рекомендации для управленцев различного уровня.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ БЮДЖЕТОВ ВРЕМЕНИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОМАШНЕГО ТРУДА

Одним из первых в мире систематических исследований бюджета времени стала работа советского экономиста и статистика С.Г. Струмилина «Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 гг.» [1924]. В ее основу легли подробные дневники времени, которые ученый собирал у российских рабочих. Фиксации подлежали все основные сферы повседневной жизни: трудовая занятость и переработки, бытовая деятельность (сон, питание, личная гигиена), досуг (чтение, культурные мероприятия, общение), а также участие в общественной жизни. Работа заложила методологическую основу для последующих исследований использования времени, на труды С.Г. Струмилина ссылаются практически все исследователи в данной области.

Теоретическое осмысление времени как экономического ресурса было осуществлено в классических работах по экономике домохозяйства [Becker, 1965]. Г. Беккер предложил революционный подход к анализу экономического поведения домохозяйств, центральное место в котором занимает систематическое изучение бюджетов времени. В отличие от классической экономической парадигмы, рассматривающей домохозяйства исключительно как потребителей, он концептуализирует их как производящие единицы, которые распределяют свое время между различными видами деятельности, комбинируя рыночные блага и временные затраты. Ключевым инновационным элементом теории является введение понятия «полного дохода» (full income), представляющего сумму денежного дохода и отвергнутого дохода, возникающего вследствие использования времени на потребление вместо работы (например, посещение театра зависит от актеров, сценария, театра и времени зрителя, которое он тратит на посещение театра в ущерб работе; сон зависит от кровати, дома и времени). Г. Беккер указывает, что структуры, собирающие информацию о расходовании денежного дохода, должны одновременно собирать данные и о расходовании времени, поскольку отвергнутые заработки, связанные с нерабочим временем, являются количественно важными и существенно увеличивают полный доход по сравнению с традиционно рассчитанным денежным доходом.

Социологическое измерение проблематики времени разрабатывал Э. Гидденс [Giddens, 1984]. В соответствии с его концепцией рутинизации временного пространства повседневные практики использования времени воспроизводят социальные структуры. Речь идет о том, что время – это не просто часы на циферблате, а нечто, что организовано обществом. То, как мы используем время, определяется социальными правилами и ожиданиями. В контексте исследований бюджета времени это означает, что фиксация рутинных временных паттернов позволяет выявлять скрытые механизмы социального воспроизводства.

Дж. Гершуни и его коллеги [Fisher, Gershuny, 2013; Gershuny et al., 2020; Sullivan, Gershuny, Grignon Perez, 2025] разработали сопоставимые методики измерения использования времени, которые позволяют проводить кросс-национальные сравнения и отслеживать долгосрочные тренды. Их методология основывается на детальных дневниках времени, фиксирующих не только продолжительность активностей, но и их контекст: пространственное расположение, социальное окружение, одновременно выполняемые действия. Обратим внимание, что методология построения опросников Росстата для изучения суточного фонда времени населения перекликается с подходами Дж. Гершуни, воспроизводя ключевые принципы детального учета активностей и их контекста.

Устойчивым феноменом во всех обществах, несмотря на возрастающее участие женщин в оплачиваемой занятости, остается гендерное неравенство в распределении времени на домашний труд. Обзор исследований М. Лашанс-Гжелы и Ж. Бушар [Lachance-Grzela, Bouchard, 2010], охватывающих 34 страны, демонстрирует, что женщины выполняют в среднем в 2–3 раза больше домашней работы, чем мужчины, причем это неравенство сохраняется даже при контроле занятости, доходов и других социально-экономических факторов. С. Бьянчи и др. [Bianchi et al., 2012] проанализировали данные за длительный период и обнаружили, что разница в выполнении домашней работы между мужчинами и женщинами в американских домохозяйствах сократилась за период 1965–1995 гг. Однако уменьшение разрыва произошло главным образом потому, что женщины стали тратить меньше времени на домашние дела, тогда как мужчины немного увеличили свое участие в быту. Другими словами, изменение произошло скорее благодаря снижению нагрузки на женщин, а не существенному увеличению вклада мужчин в ведение домашнего хозяйства. Аналогичные паттерны устойчивого гендерного неравенства также подтвердились на данных Многонационального исследования использования времени (MTUS), собранных с 1960-х по 2000-е гг. [Kan, Sullivan, Gershuny, 2011]. В исследовании участвовало 16 стран, выборка включала 348 204 дневниковых записи респондентов в возрасте 20–59 лет. Анализ показал, что даже в странах с развитой политикой гендерного равенства женщины продолжали нести непропорциональное бремя домашних обязанностей, особенно в отношении рутинной домашней работы и ухода за семьей. Хотя мужчины постепенно увеличивали свой вклад в домашний труд, они сосредотачивали свои усилия преимущественно на нерутинных работах (ремонт, покупки), в то время как женщины оставались основными исполнителями повседневной уборки, стирки, готовки и ухода за детьми. Кросс-национальное исследование Дж. Хука [Hook, 2006] добавляет к этому важный институциональный контекст, связанный с влиянием политики поддержки семьи, структуры рынка труда и уровня женской занятости в стране на вовлеченность мужчин в неоплачиваемый труд.

В соответствии с теорией ресурсов [Blood, Wolfe, 1960] партнер с большими экономическими ресурсами обладает большей властью при принятии совместных решений. В рамках модели переговорной силы в домохозяйстве [Lundberg, Pollak, 1996] формализуется процесс торга между партнерами в зависимости от их внешних альтернатив. Оба подхода предсказывают, что партнер с большими экономическими ресурсами будет выполнять меньший объем домашней работы. Однако исследование Дж. Брайнс [Brines, 1994] показывает, что эта логика работает асимметрично для мужчин и женщин: если экономическая зависи-

мость жен связана с увеличением домашнего труда, то экономически зависимые мужья, напротив, сокращают домашний труд, используя его избегание как механизм компенсаторного восстановления гендерной идентичности в условиях нарушения традиционной роли кормильца. А. Киллевалд и М. Гоф [Killewald, Gough, 2010], исследуя связь между доходом жен и количеством времени, которое они тратят на домашнюю работу, по данным панельного исследования американских семей (PSID) за 1976–2003 гг., обнаруживают, что связь между заработками жен и домашней работой нелинейна: когда доход жен растет с низких уровней, время на домашнюю работу снижается быстро, но когда доход становится выше медианы, дальнейший рост заработков приводит к гораздо меньшему сокращению домашних обязанностей. И даже жены с высокой оплатой труда по-прежнему выполняют значительно больше домашней работы, чем их мужья, что указывает на гендерные ограничения, которые деньги не могут полностью преодолеть. Д. Шнайдер предлагает альтернативный подход к анализу гендерного отклонения: вместо относительного дохода он использует характер выполняемой работы. Исследование показывает, что мужчины в профессиях, которые доминируют среди женщин, компенсируют гендерное отклонение, увеличивая время на традиционно мужскую домашнюю работу (ремонт, работы на участке), а их жены – на женскую домашнюю работу [Schneider, 2012].

Л. Томпсон [Thompson, 1991] добавляет к этим объективным измерениям важнейший субъективный аспект – восприятие справедливости распределения домашних обязанностей самими женщинами. Она показывает, что оценка справедливости зависит от трех факторов: фактического распределения домашних обязанностей – исхода (кто что делает), объяснений (почему так сложилось) и ожиданий (представлений о должном). Это объясняет, почему объективное неравенство часто не воспринимается как несправедливое, например, если женщины верят в традиционные гендерные роли или видят, что мужья вносят вклад в других сферах.

А. Хошхилд и А. Мачунг [Hochschild, Machung, 1989] предлагают концепцию «второй смены» – дополнительного рабочего дня, который женщины проводят дома после возвращения с оплачиваемой работы. Эта же идея фактически подтверждается Х. Перкинсом и Д. Демейс, но применительно к поведению молодых специалистов с высшим образованием в домохозяйствах. Исследователи обнаружили, что при отсутствии значимых различий в бытовой нагрузке среди одиноких мужчин и женщин переход к родительству резко усиливает гендерную асимметрию: даже будучи полностью занятыми на оплачиваемой работе, матери берут на себя непропорционально большой объем домашних обязанностей и испытывают более сильное

чувство долга за их выполнение по сравнению с отцами. Эти результаты подчеркивают, что именно появление детей, а не просто формирование партнерских отношений, является критическим этапом, на котором происходит «воспроизводство гендера» в сфере домашнего труда [Perkins, Demeis, 1996; Yavorsky, Kamp Dush, Schoppe-Sullivan, 2015].

Особое внимание в современной литературе уделяется изучению того, как домашний труд влияет на экономические результаты индивидов на рынке труда, создавая механизм воспроизводства гендерного неравенства в оплате труда и карьерных возможностях. Концепция «штрафа за материнство» документирует существенное снижение заработков и карьерных перспектив женщин после рождения детей [Budig, England, 2001]. Механизмы этого эффекта включают как прямое сокращение рабочего времени и перерывы в карьере, связанные с уходом за детьми, так и более тонкие процессы, такие как дискриминация работодателей, самоограничение карьерных амбиций и выбор рабочих мест с гибким графиком работы [Correll, Benard, Paik, 2007; Gangl, Ziefle, 2009]. Недавние исследования показывают, что гендерный разрыв в оплате труда существенно увеличивается после рождения первого ребенка и остается устойчивым в долгосрочной перспективе, причем этот эффект наблюдается даже в странах с высоким уровнем инвестиций в политику поддержки семей [Kleven, Landais, Sogaard, 2019].

Обзор российских исследований по теме домашнего труда и его последствий. Российские исследования распределения домашнего труда фиксируют важную специфику: высокий уровень занятости российских женщин парадоксальным образом сочетается с сохранением традиционной модели ведения домохозяйства. Это порождает феномен особенно выраженной «двойной нагрузки» (оплачиваемая работа плюс неоплачиваемый домашний труд), что и становится центральной темой научного дискурса.

Теоретическую рамку для понимания этих процессов заложили Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина [1998], которые ввели в отечественный научный оборот концепцию *социального конструирования гендера*. Авторы доказывают, что различия в распределении ролей между мужчинами и женщинами не являются predetermined, а представляют легитимированный в конкретном обществе способ интерпретации биологических различий. Основным фактором, по их мнению, выступают отношения власти: иерархия между приватной (домашней) и публичной (профессиональной) сферами закрепляет асимметричные возможности для полов, превращая простое различие в неравенство.

В развитие этой темы С.Ю. Барсукова и В.В. Радаев [2000] в своем фундаментальном исследовании «Легенда о гендере...» эмпирически показали, как

именно работают эти механизмы. Анализируя современные городские семьи, они подтвердили, что даже в условиях высокой экономической активности женщин традиционная модель гендерного разделения труда демонстрирует высокую устойчивость. Наиболее детальное эмпирическое подтверждение этого тезиса представлено в работе Е.Б. Мезенцевой [2003] (на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ) за 1998 г.). Автор задается вопросом о том, что определяет распределение обязанностей: логика экономической выгоды или же следование гендерным стереотипам? Ее анализ выявил устойчивую гендерную сегрегацию: женщины выполняют львиную долю рутинной домашней работы (готовка, уборка, стирка), на которую они тратят в 2,2 раза больше времени, чем мужчины. Как следствие, совокупная трудовая нагрузка (рыночная и домашняя) у женщин трудоспособного возраста оказывается почти на 16 ч в неделю выше. С точки зрения Е.Б. Мезенцевой, причины такой устойчивости связаны с тем, что поведение мужчин и женщин подчиняется разной логике. Если женщины, меняя объем рыночной занятости или свой доход, склонны корректировать и объем домашних обязанностей (то есть следуют логике экономической рациональности), то мужское поведение оказывается мало зависимым от этих факторов. Оно в первую очередь подчинено логике поддержания гендерной идентичности – стремлению соответствовать традиционному образу мужчины, для которого домашний труд не является приоритетом. А.О. Макаренцева, С.С. Бирюкова и Е.А. Третьякова [2017] справедливо замечают, что данные о затратах времени отражают не столько факты, сколько социальные нормы. Т.С. Лыткина [2004] показывает, что монополизация женщиной домашней сферы становится для них ресурсом власти: женщина определяет семейный уклад, а мужчина-кормилец попадает в зависимость, что в кризис ведет к его социальной деградации.

И.Е. Калабихина и Ж.К. Шайкенова на данных выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, проведенного Федеральной службой государственной статистики РФ в 2014 г., также продемонстрировали устойчивое гендерное неравенство в распределении домашней работы. Женщины остаются «главными провайдерами домашних услуг», затрачивая на домашний труд значительно больше времени, чем мужчины, причем это неравенство сохраняется независимо от уровня образования и занятости [Калабихина, Шайкенова, 2019; Шайкенова, 2019]. В более ранней методологической работе те же авторы показали, что экономическая оценка неоплачиваемого домашнего труда женщин достигала 25,3 % ВВП России в 2014 г., что позволяет количественно измерить масштаб «невидимого» вклада женщин в экономику [Калабихина, Шайкено-

ва, 2018]. Пандемия COVID-19 обострила проблему домашнего труда и сделала ее последствия более видимыми. И.Е. Калабихина и С.М. Ребрей [2020] проанализировали изменения в распределении домашних обязанностей в этот период и показали, что режим самоизоляции и дистанционной работы привел к увеличению нагрузки на женщин, которые вынуждены были совмещать профессиональные обязанности, домашнюю работу и уход за детьми в условиях закрытия школ и детских садов.

П.М. Козырева, А.Э. Низамова и А.И. Смирнов [2024] на основе анализа панельных данных РМЭЗ (1994–2021 гг.) оценили долгосрочную динамику занятости и затрат времени россиян на работу в подсобных хозяйствах. На фоне сглаживания гендерных различий в работе на приусадебных участках сохранялся и даже усиливался контраст в распределении домашнего труда: женщины тратили на работу по дому почти втрое больше времени, чем мужчины (16,7 и 6,0 ч в неделю соответственно в 2021 г.).

Описанная устойчивость традиционного разделения труда не означает полного отсутствия микроизменений на уровне повседневных практик. Определенные признаки медленной эволюции фиксируют региональные исследования. Так, О.Д. Натсак [2022] на примере тувинских семей (исследование 2020–2021 гг.) доказывает, что, несмотря на сохранение за женщиной основного объема домашней работы, происходит постепенное изменение роли мужчин: увеличение вовлеченности во все виды домашнего труда, включая уход за детьми. Это свидетельствует о формировании так называемой переходной модели гендерного контракта.

Помимо объективных параметров неравенства, важно то, как сами члены домохозяйств оценивают совмещение семейных и трудовых обязанностей. Исследование А.А. Шабуновой и Г.В. Леонидовой [2023] показывает, что у успешных работающих родителей наличие семьи, а следовательно, большого количества домашних обязанностей, не препятствует карьере, а скорее способствует ей. В то же время развитие платформенной занятости создает новые риски. Е.А. Черных, Н.В. Коровкина и Г.В. Леонидова [2025] демонстрируют, что автономия в распределении рабочего времени оборачивается самоэксплуатацией: необходимость мониторинга заказов и поддержания репутации ведет к работе в нестандартные часы и в состоянии болезни, порождая феномен «всегда на работе» и провоцируя семейные конфликты.

Таким образом, российские исследования фиксируют устойчивое гендерное неравенство в распределении домашнего труда: женщины тратят на него в разы больше времени, что формирует феномен двойной нагрузки и составляет значимый, но «невидимый» вклад в экономику. При этом домашняя сфера может становиться для женщин ресурсом власти,

а ее восприятие супругами отражает противоречивые социальные нормы. В целом патриархатный гендерный контракт сохраняет высокую инерционность, адаптируясь к трансформациям, но не меняя своей сущности.

Наша статья продолжает традицию изучения бюджетов времени населения, позволяющую увидеть различия в распределении времени между работой, домашними делами, отдыхом и другими видами деятельности в течение суток и оценить, насколько сбалансирована жизнь разных социальных групп. Таким образом, цель исследования – выявить основные закономерности распределения бюджета времени населения в зависимости от пола, статуса занятости и уровня материального благосостояния.

Задачи исследования:

1) провести комплексный анализ структуры суточного бюджета времени россиян, определив объемы и распространенность участия в основных категориях деятельности;

2) оценить масштабы гендерной и возрастной специфики в распределении оплачиваемой занятости и неоплачиваемого домашнего труда, включая дифференциацию по типам домашних обязанностей и регулярности их выполнения;

3) изучить влияние демографических факторов (наличие и возраст детей) на перераспределение временных ресурсов между оплачиваемой работой и домашним трудом, верифицировав проявление эффекта «штрафа за материнство» на современных российских данных;

4) выявить зависимость структуры временных затрат от социально-экономического положения домохозяйств, включая уровень дохода и статус занятости.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирической базой настоящего исследования послужили микроданные выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, проведенного Росстатом в 2024 г.¹ Данное наблюдение является частью системы регулярных статистических обследований бюджетов времени населения России (предыдущие кросс-секции были реализованы в 2014 и 2019 гг.).

Основным инструментом сбора данных выступил дневник использования времени, в котором респонденты с 10-минутной детализацией фиксировали все виды деятельности в течение суток с указанием их продолжительности. Всего в структуре данных фигурировали 97 видов деятельности. Для достижения исследовательских задач все виды деятельности были поделены на восемь категорий:

1) домашний труд (38 переменных) – традиционная домашняя работа, включая приготовление пищи, уборку, стирку, ремонт и т. д., а также деятельность, связанная с уходом за детьми и нуждающимися в заботе взрослыми членами семьи;

2) досуг (17 переменных) – культурные, развлекательные и спортивные занятия, хобби, просмотр телевизора;

3) образование (7 переменных) – формальное и неформальное обучение;

4) общение (11 переменных) – социальные взаимодействия, включая встречи, переписку, религиозные обряды;

5) основные физиологические потребности (8 переменных) – сон, питание, личная гигиена;

6) передвижения (9 переменных) – транспортная мобильность с различными целями;

7) работа (5 переменных) – оплачиваемая занятость и профессиональная деятельность;

8) прочее (2 переменные) – заполнение дневников, другое неуточненное использование времени.

Выборка формировалась Росстатом на основе многофазной схемы с реализацией на последней фазе двухступенчатого случайного отбора². Основой выборки послужил информационный массив Всероссийской переписи населения 2020 г. На первой ступени проводился случайный отбор счетных участков, на второй ступени – случайный систематический отбор домохозяйств в рамках отобранных счетных участков. Для целей исследования из исходной выборки были отобраны респонденты в возрасте от 15 до 75 лет. Ограничение выборки таким возрастным интервалом обусловлено содержательными и методическими причинами. 15 лет – минимальный возраст допуска к трудовой деятельности согласно российскому законодательству и, соответственно, формирования самостоятельных паттернов использования времени. Верхняя граница в 75 лет позволяет включить в анализ работающих пенсионеров, сохраняя при этом методологическую корректность исследования, поскольку в более старших возрастах существенно возрастает доля лиц с когнитивными ограничениями, затрудняющими заполнение дневников времени.

Каждому участнику обследования предлагалось вести дневник использования времени в течение одного из будних и одного из выходных дней с фиксацией всех видов деятельности. В результате аналитическую базу исследования составили дневники суточного фонда времени в количестве 124 461 ед., заполненные 62 803 уникальными респондентами из 41 809 домохозяйств. Распределение респондентов по полу и возрасту представлено на рис. 1.

¹ Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением. (2024) // Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond24/index.html.

² Подробно о методологии выборки см.: Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond24/index.html.

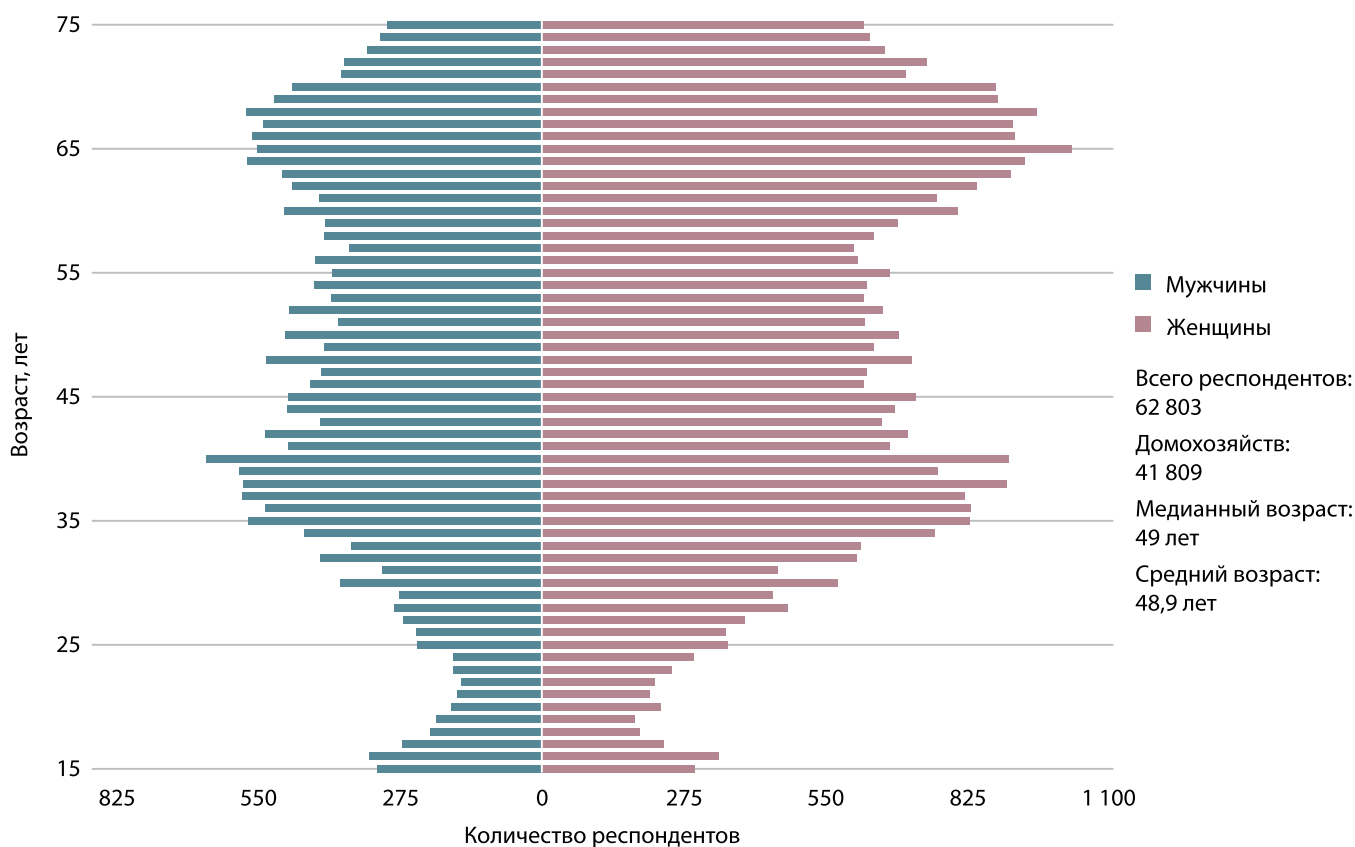

Рис. 1. Распределение респондентов в выборке исследования суточного фонда времени в РФ по полу и возрасту, чел.

Fig. 1. Distribution of respondents in the time-use survey in Russia by gender and age, persons

Анализ структуры бюджета времени проводился с использованием методов описательной статистики. Для каждого компонента временных затрат рассчитывались показатели центральной тенденции, что позволило получить более полное представление о распределении времени с учетом возможной асимметрии распределений¹. В анализе применялся подход «doers only» («только вовлеченные» – те, кто занимался деятельностью), то есть для каждой из восьми категорий отбирались только те дневники, в которых зафиксировано ненулевое время хотя бы по одному виду деятельности, входящему в категорию. Таким образом, рассчитанные средние и медианные значения отражают затраты времени среди тех, кто фактически выполнял данную деятельность в день опроса, а не среди всех участников выборки. Это позволило избежать искажений, связанных с включением нулевых значений для тех, кто не выполнял определенные виды деятельности.

Для корректной интерпретации полученных оценок дополнительно рассчитывался процент вовлеченных в каждую деятельность, что позволяет дифференцировать высокоинтенсивные, но редкие практики от повседневных занятий с умеренными временными затратами.

¹ Поскольку медианное время в подавляющем большинстве случаев незначительно отличалось от средних значений, в визуализациях использованы расчеты только средних.

Для выявления различий в распределении времени между социально-демографическими группами применялся кросс-табуляционный анализ. Сравнение проводилось по следующим признакам: пол, статус занятости (работающие и неработающие), наличие и количество детей в домохозяйстве, а также уровень материального благосостояния домохозяйства (определяемый по доходным квартилям). Все расчеты выполнялись с применением весовых коэффициентов, скорректированных по дням недели и регионам, что обеспечило репрезентативность результатов и получение несмещенных оценок параметров генеральной совокупности (информационного массива Всероссийской переписи населения 2020 г.). Анализ данных выполнен в среде R с применением пакетов haven, dplyr, tidyr, ggplot2, officer.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Общая структура суточного фонда и распространенность видов деятельности. Отправной точкой анализа служит общая структура бюджета времени россиян: оцениваются временные затраты на основные виды деятельности и степень распространенности участия в них. На тепловой карте (рис. 2) представлены средние временные затраты респондентов (количество часов в сутки) по укрупненным категориям деятельности в разрезе пола и типа дня.

В общей структуре суточного фонда в будние дни самыми затратными категориями выступают:

Рис. 2. Среднее ежедневное время на укрупненные категории деятельности с распределением по полу и типу дня (только вовлеченные респонденты 15–75 лет, взвешенные данные), ч/день

Fig. 2. Average daily time spent on broad categories of activities by gender and day type (only engaged respondents aged 15–75, weighted data), hours/day

физиологические потребности (включая сон) и профессиональная деятельность, тогда как остальные виды активности занимают существенно меньший удельный вес. Обратим внимание, что среднее время удовлетворения физиологических потребностей и трудовой деятельности у мужчин составляет 11 ч и 8,5 ч соответственно, у женщин – 11,3 и 7,8 ч. Это означает, что на все прочие виды деятельности – домашний труд, досуг, образование, социальные взаимодействия – остается крайне ограниченный временной ресурс. Иными словами, структура суток у среднего россиянина предопределена институциональными ритмами труда и биологическими ритмами организма, остается лишь узкое пространство для деятельности, осуществляемой по собственному выбору.

Существенным исключением из описанной закономерности является домашний труд женщин: в будние дни он занимает у них 3,8 ч (примерно половина времени, которое они тратят на работу) и почти вдвое превышает аналогичный показатель у мужчин (2,1 ч). Абсолютная разница в затратах времени на домашнюю работу между мужчинами и женщинами составила 1,7 ч, в 2014 г. этот разрыв равнялся 1,8 ч [Калабихина, Шайкенова, 2019, с. 270]. Таким образом, женщины де-факто работают дома во «вторую смену» [Hochschild, Machung, 1989], что радикально сужает их ресурс свободного времени по сравнению с мужчинами. Выявленный факт хорошо согласуется с концепцией временной бедности (time poverty), разработанной К. Викери [Vickery, 1977]. Согласно данной концепции дефицит свободного времени является самостоятельным измерением социального неравенства, не сводимым к материальному благосостоянию. И в связи с этим можно говорить о том, что женщины систематически оказываются в ситуации временной бедности относительно мужчин. В России за период 2014–2024 гг. данная тенденция приобрела устойчивый характер.

В выходные дни общая логика иерархии претерпевает частичную трансформацию, однако базовая структура сохраняется. Заметное структурное изменение состоит в перемещении досуга (отдых, спорт, чтение, игры, хобби и др.) на третью позицию у мужчин (4,4 ч) – вместо образовательной деятельности, резко сокращающейся в выходные. У женщин досуг также перемещается на третье место (3,5 ч), однако непосредственно за ним следует домашний труд с показателем 5,3 ч, что превышает досуговую активность на 1,8 ч. Иными словами, для женщин выходной день не означает освобождения от производительной нагрузки, он лишь меняет ее форму: профессиональный труд частично замещается трудом домашним.

Выделяется еще одна закономерность, связанная с разницей затрат времени на образование (формальное и неформальное) в будние и выходные дни: у мужчин снижение с 5,8 до 2,2 ч, а у женщин – с 5,4 до 1,9. По нашему мнению, это свидетельствует в целом об устойчивой привязанности к структуре рабочей недели. Образование может восприниматься как функциональный элемент рабочего ритма, а не как самостоятельная автономная практика. Если обратить внимание на гендерную разницу, то женщины в обоих случаях (и в будние, и в выходные дни) тратят меньше времени на свое развитие.

На рис. 3 представлен своеобразный рейтинг распространенности видов деятельности в гендерном разрезе. Представлены две метрики: доля респондентов, занимавшихся деятельностью хотя бы один раз (процент вовлеченных), и доля дней, в которые деятельность выполнялась (процент дней с активностью). Сопоставление этих показателей позволяет оценить регулярность различных практик: чем ближе значения, тем более повседневный характер носит деятельность.

Рис. 3. Вовлеченность в виды деятельности с распределением по полу: доля респондентов и доля дней с активностью (респонденты 15–75 лет, взвешенные данные), %
Fig. 3. Involvement in activities by gender: the share of respondents and the share of days with activity (only respondents aged 15–75, weighted data), %

Стоит еще раз отметить, что процент вовлеченности отражает не продолжительность занятия тем или иным видом деятельности, а сам факт его присутствия в распорядке дня респондента. Полученные данные свидетельствуют о более высоком присутствии мужчин в формальной занятости (73,5 % против 58,4 % среди женщин) и более высокой домашней трудовой нагрузке женщин (99,6 % вовлеченных в домашний труд женщин против 96,7 % мужчин). Анализ вовлеченности по проценту дней с активностью демонстрирует, что для женщин это каждодневная практика (98 % дней с присутствием домашнего труда у женщин против 85,9 % таких дней у мужчин).

Распределение времени между оплачиваемым и неоплачиваемым трудом: гендерная и возрастная специализация. Дифференциация временных затрат на домашний труд в зависимости от пола и возраста респондентов с учетом типа дня (будний/выходной) визуализирована на рис. 4.

Анализ представленных данных свидетельствует о превышении временных затрат женщин на домашний труд по сравнению с мужчинами во всех рассматриваемых возрастных группах как в будние, так и в выходные дни. Данная закономерность согласуется с результатами широкого круга международных исследований в области социологии труда и гендерных исследований [Hochschild, Machung, 1989; Bianchi et al., 2000; Барсукова, Радаев, 2000], фиксирующих устойчивое воспроизводство «второй смены» как структурного феномена в условиях современных рыночных экономик.

Максимальное значение среди всех наблюдаемых групп зафиксировано у женщин в возрасте 51–60 лет в выходные дни и составляет порядка 5,7 ч в сутки. Минимальное значение характерно для мужчин в возрасте 21–30 лет в рабочие дни – около 1,3 ч в сутки. Разрыв между этими экстремальными точками превышает 4,4 ч, что эквивалентно практически половине стандартного рабочего дня. В будние дни времен-

Рис. 4. Распределение времени на домашний труд по возрасту и полу в будние и выходные дни (только вовлеченные респонденты 15–75 лет, взвешенные данные), ч/день

Fig. 4. Distribution of time spent on housework by age and gender on weekdays and weekends (only engaged respondents aged 15–75, weighted data), hours/day

ной разрыв по возрастным категориям колеблется от 0,6 ч до 2,4 ч. На наш взгляд, эти факты подчеркивают масштаб структурного неравенства в сфере неоплачиваемого труда.

В таблице представлена информация о самых распространенных видах домашнего труда. Анализ вовлеченности¹ показал, что подавляющее большинство женщин вовлечены в приготовление пищи, уборку после еды, покупки и уборку жилища. Показатели вовлеченности мужчин в эти виды деятельности оказались значительно ниже. Наибольший разрыв фиксируется в таких видах деятельности, как уборка после еды, уборка жилища, приготовление пищи, стирка и глажка: разница между процентами вовлеченности женщин и мужчин в этих категориях превышает 28 п. п. и более (см. таблицу, столб. 1, 2).

Анализ регулярности домашних обязанностей (показатель определялся как взвешенная доля дней, в которые деятельность выполнялась) демонстрирует выраженную гендерную асимметрию (столб. 3, 4 в таблице).

Женщины чаще мужчин вовлечены практически во все распространенные повседневные задачи. Ис-

¹ Единицей анализа выступали уникальные респонденты: человек считался вовлеченным в деятельность, если он занимался ею хотя бы в один из дней, когда заполнялся дневник.

ключениями являются вынос мусора и уход за скотом, что указывает на сохранение традиционных представлений о «мужских» бытовых обязанностях. Мужчины чаще занимаются нерегулярными видами деятельности, связанными с ремонтом, а также охотой и рыболовством. Эти результаты подтверждают более ранние исследования [Евстифеева, 2013]. Ряд категорий домашнего труда характеризуется относительным гендерным паритетом. Садово-огородные работы, уход за домашними питомцами, а также содержание домашней утвари в надлежащем виде распределены между мужчинами и женщинами практически в равных долях.

Особого внимания заслуживает неравномерное распределение обязанностей по уходу за детьми: значительное преобладание женщин в данной категории (в два раза и больше по всем анализируемым метрикам) свидетельствует о том, что бремя заботы сохраняется за ними вне зависимости от степени их занятости в формальной экономике.

Стоит отметить, что уход за детьми и нуждающимися в помощи взрослыми выделяется в литературе в отдельную подкатегорию домашнего труда (unpaid caregiving) – «неоплачиваемую заботу» [Friedemann-Sánchez, Griffin, 2011; Carmichael, Ercolani, 2016]. В целом домашний труд направлен на поддержание функционирования домохозяйства (уборка, приготовление

*Характеристики топ-20 видов домашнего труда
Characteristics of the Top-20 types of housework*

Деятельность	Вовлеченность, % занимающихся деятельностью		Регулярность, % дней, когда респонденты занимались деятельностью		Среднее время на деятельность, мин/день (только вовлеченные)	
	1	2	3	4	5	6
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Приготовление пищи	96,4	59,9	90,4	46,1	75	46
Уборка после еды	91,7	50,9	81,3	37,5	38	27
Покупки	69,6	57,4	46,8	34,6	37	36
Уборка жилища	68,7	27,4	39,8	13,0	61	47
Хранение продуктов	42,9	22,1	25,9	11,3	50	34
Стирка	44,3	10,7	23,2	4,8	31	28
Садово-огородные работы	27,8	24,7	16,2	13,9	124	136
Уход за питомцами	22,7	17,7	18,6	14,0	42	46
Глажка	33,7	4,9	18,1	2,4	41	28
Уход за домашней утварью	20,0	17,9	10,7	8,6	27	35
Уход за растениями/территорией	20,4	12,2	10,7	6,1	32	64
Игры с ребенком	16,7	13,1	11,8	8,9	58	59
Физический уход за детьми	21,2	8,3	18,5	5,4	80	43
Вынос мусора	9,1	14,3	4,6	7,2	16	17
Ремонт транспорта	0,4	18,3	0,2	8,8	46	83
Уход за скотом	6,0	7,0	5,2	6,0	68	85
Охота/рыболовство/сбор	3,1	8,8	1,1	3,3	166	215
Присмотр за детьми	7,0	3,8	4,5	1,9	80	67
Водоснабжение/отопление	2,3	6,5	1,1	2,9	43	67
Ремонт предметов	0,3	8,0	0,1	3,6	45	57

еды, стирка, покупки и т. д.) и может выполняться для всех членов семьи, включая независимых взрослых (например, трудоспособного мужа или взрослого ребенка). А деятельность, связанная с заботой, направлена исключительно на зависимых лиц (dependents) – тех, кто не может самостоятельно удовлетворять свои базовые потребности из-за возраста (младенцы, пожилые), болезни (временной или хронической), инвалидности (физической или ментальной). Ключевое отличие рутинного домашнего труда и заботы состоит в том, что многие бытовые задачи (стирка, уборка) могут быть отложены или облегчены с помощью технологий, а забота – это отношенческий и эмоционально насыщенный процесс, когда потребности подопечного (ребенка, пожилого или больного члена семьи) нельзя поставить «на паузу» (в отличие от мытья посуды) [Friedemann-Sánchez, Griffin, 2011]. Таким образом, женщины преимущественно, выполняя обязанности по уходу, не только работают физически, но и несут высокую эмоциональную нагрузку.

Анализ затрат времени на различные виды домашнего труда в будни и выходные также демонстрирует гендерную асимметрию (рис. 5). Так, в среднем на приготовление пищи и уборку после еды, покупки, уборку жилища у женщин уходит 3,3 ч в будни и 4,1 ч

в выходные, мужчины тратят на эту деятельность в среднем на 1 ч меньше и в будни, и в выходные дни.

Уход за детьми также занимает у женщин больше времени, чем у мужчин. В среднем женщины (которые занимаются этой деятельностью) тратят на весь уход за детьми 5,2 ч в будни и 6 ч в выходные, мужчины – 3,7 ч в будни и 5,8 ч в выходные (рис. 6).

Интересна динамика по виду деятельности «игры с ребенком»: в выходные дни мужчины превосходят женщин по данному показателю. Повышенная вовлеченность отцов в игровое взаимодействие с детьми в выходные дни свидетельствует о наличии определенного потенциала для перераспределения родительских обязанностей, однако носит избирательный характер и не компенсирует общего неравенства в повседневном уходе.

В целом сравнение временных затрат на домашний труд подтверждает воспроизводство гендерной иерархии в повседневных практиках. Даже в тех случаях, когда мужчины участвуют в домашнем труде, они, как правило, тратят на него значительно меньше времени, чем женщины, кроме того, характер такого труда часто не повседневный (ремонт, охота, рыбалка), то есть выполнение этой деятельности носит опциональный характер.

	Женщины		Мужчины	
	Будний день	Выходной день	Будний день	Выходной день
Приготовление пищи	71	87	41	56
Уборка после еды	36	43	25	30
Покупки	33	47	31	45
Уборка жилища	56	69	40	55
Хранение продуктов	45	61	30	39
Стирка	30	32	26	30
Садово-огородные работы	114	139	122	154
Уход за питомцами	42	44	44	50
Глажка	39	44	24	35
Уход за домашней утварью	25	30	31	39
Уход за растениями	30	34	59	71
Игры с ребенком	55	67	50	78
Физический уход за детьми	80	80	38	52
Вынос мусора	16	16	17	18
Ремонт транспорта	40	55	75	93
Уход за скотом	67	69	82	92
Охота/рыболовство/сбор	168	165	199	224
Присмотр за детьми	77	86	54	86
Водоснабжение/отопление	41	45	67	67
Ремонт предметов	40	49	53	62

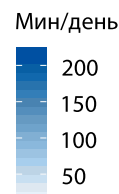

Рис. 5. Среднее время, затрачиваемое на виды домашнего труда женщинами и мужчинами в будни и выходные (только вовлеченные респонденты 15–75 лет, взвешенные данные), мин/день

Fig. 5. Average time spent on types of housework by women and men on weekdays and weekends (only engaged respondents aged 15–75, weighted data), min/day

	Женщины		Мужчины	
	Будний день	Выходной день	Будний день	Выходной день
Игры с ребенком	0,9	1,1	0,8	1,3
Физический уход за детьми	1,3	1,3	0,6	0,9
Присмотр за детьми	1,3	1,4	0,9	1,4
Обучение ребенка	0,8	0,9	0,7	0,9
Сопровождение ребенка	0,9	1,3	0,7	1,3
Всего по уходу за детьми	5,2	6,0	3,7	5,8

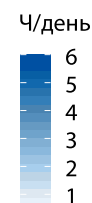

Рис. 6. Среднее время на уход за детьми (только вовлеченные респонденты 15–75 лет, взвешенные данные), ч/день
 Fig. 6. Average time spent on childcare (only engaged respondents aged 15–75, weighted data), hours/day

Что касается вовлеченности в трудовую деятельность, на протяжении всего рассматриваемого возрастного диапазона мужчины демонстрируют более высокий уровень трудовой вовлеченности по сравнению с женщинами (рис. 7). Гендерный разрыв варьирует от 5 п. п. в младшей группе до 20 п. п. в группе 21–30 лет, 18 п. п. – в группе 31–40 лет, сокращаясь до минимума (7,2 п. п.) в среднем возрасте (41–50 лет) и вновь расширяясь в старших когортах до 10 п. п. Устойчивость данного разрыва свидетельствует о системном характере гендерного неравенства в распределении суточного фонда времени между оплачиваемым трудом и иными видами деятельности.

Что касается затрат «оплачиваемого» времени, ассоциированного с работой, мужчины хоть и тратят больше времени на оплачиваемые виды деятельности, вместе с тем эти различия не так значительны. В среднем мужчины проводят на основной работе на 0,7 ч (42 мин) больше женщин (рис. 2). Логично прослеживается устойчивая тенденция к увеличению среднего времени занятости по мере перехода от младших возрастных когорт (15–20 лет) к средней и старшей возрастным группам. Пиковые значения продолжительности рабочего времени у мужчин приходятся

на возрастной диапазон 61–75 лет и составляют 8,6 ч, тогда как у женщин максимальные показатели фиксируются в возрастной группе 51–60 лет – 8,0 ч в сутки. Минимальные значения данного показателя для обоих полов характерны для возрастной группы 15–20 лет, что, по всей видимости, обусловлено совмещением трудовой деятельности с получением образования (рис. 8).

Временные затраты женщин на оплачиваемую работу закономерно связаны с наличием и возрастом детей (рис. 9). Матери детей до 1,5 лет посвящают оплачиваемой работе около 6,4 ч в день, тогда как женщины без детей – порядка 7,7 ч. По мере взросления ребенка эта тенденция сглаживается: у матерей детей 3–6 лет рабочий день увеличивается до 7,3 ч, а при детях 7–14 лет – до 7,5 ч. Обратная динамика прослеживается в отношении домашнего труда: наибольшая нагрузка приходится на матерей самых маленьких детей (9 ч, что сопоставимо с полным рабочим днем) и последовательно снижается по мере их взросления.

Эта временная асимметрия имеет долгосрочные экономические последствия. Как отмечает З.А. Хоткина, снижение заработной платы и остановка карьерного роста у российских женщин приходятся именно

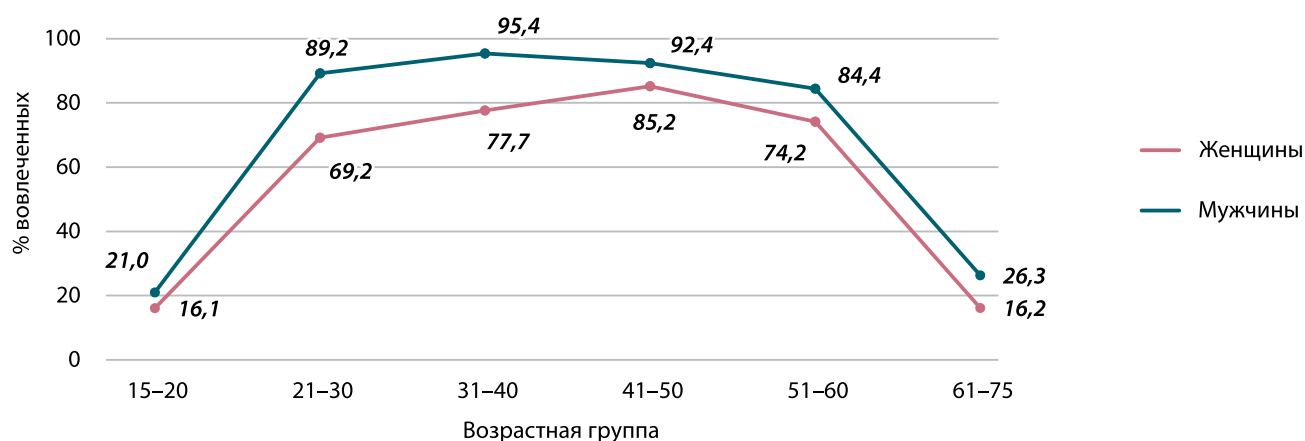

Рис. 7. Анализ вовлеченности в оплаченный труд по полу и возрасту (только вовлеченные респонденты 15–75 лет, взвешенные данные), %
 Fig. 7. Analysis of involvement in paid work by gender and age (only engaged respondents aged 15–75, weighted data), %

Fig. 7. Analysis of involvement in paid work by gender and age (only engaged respondents aged 15–75, weighted data), %

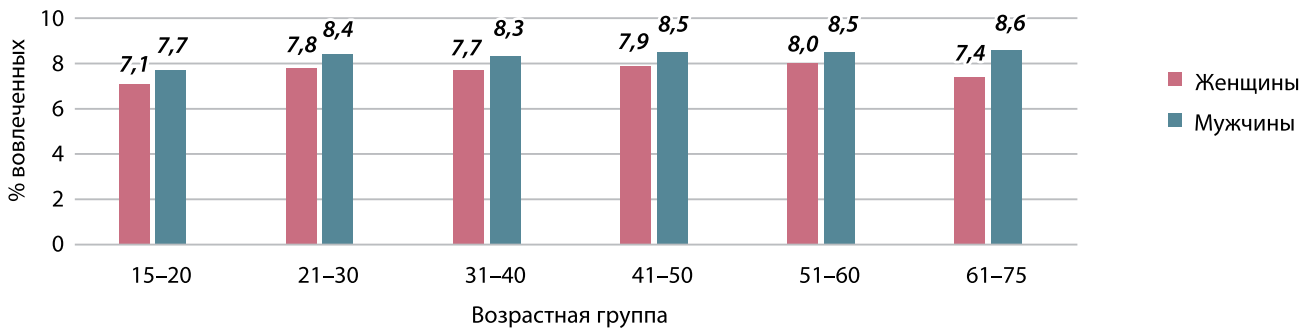

Рис. 8. Среднее дневное рабочее время с распределением по возрасту и полу (респонденты 15–75 лет, взвешенные данные), ч/день

Fig. 8. Average daily working time by age and gender (respondents aged 15–75, weighted data), hours/day

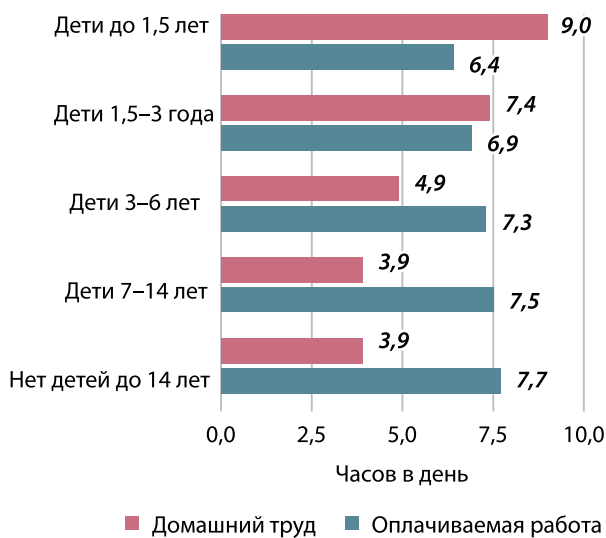

Рис. 9. Среднесуточные затраты времени женщин на оплачиваемую и домашнюю работу в зависимости от возраста детей (женщины 15–75 лет, взвешенные данные), ч/день

Fig. 9. Average daily time spent by women on paid work and housework according to children's age (women aged 15–75, weighted data), hours/day

на возраст создания семьи и рождения первого ребенка (25–29 лет), тогда как мужчины продолжают увеличивать доход до 39 лет. Автор, ссылаясь на нобелевского лауреата К. Голдин, подчеркивает: «неравенство в карьере существует потому, что существует неравенство в семье» [Хоткина, 2024, с. 156]. Полученные данные согласуются с концепцией «штрафа за материнство» [Budig, England, 2001].

Влияние доходов. Для анализа дифференциации бюджета времени в зависимости от материального положения домохозяйств были выделены четыре доходные группы (квартили) по переменной «средний доход домохозяйства, в месяц, р.» с равным количеством домохозяйств в каждой. Границы квартилей определены следующим образом: Q1 (низкий доход) – до 32 тыс. р., Q2 (средне-низкий) – от 32 до 49 тыс. р., Q3 (средне-высокий) – от 49 до 77 тыс. р., Q4 (высокий доход) – свыше 77 тыс. р.

Анализ показал, что различия в структурах бюджетов времени в зависимости от уровня дохода оказались не столь выраженными (рис. 10). В домохозяйствах с низким доходом (Q1 – до 32 тыс. р.) количество

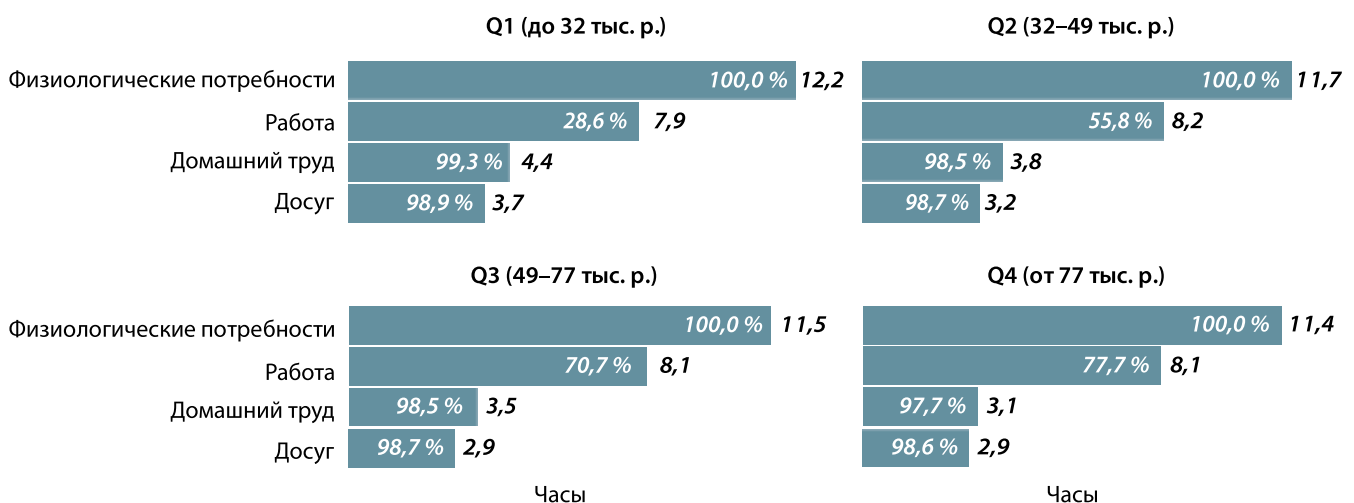

Рис. 10. Распределение по основным категориям бюджетов времени и вовлеченность в виды деятельности (%) в зависимости от среднего уровня дохода домохозяйств (респонденты 15–75 лет, взвешенные данные), ч/день

Fig. 10. Time use by key activity categories and activity engagement rate (%) according to average household income (respondents aged 15–75, weighted data), hours/day

времени, затрачиваемого на работу, в среднем хоть и было ниже, чем в остальных группах домохозяйств (Q2, Q3, Q4), но отличалось всего на 12–18 мин. Данный результат свидетельствует о том, что интенсивность занятости относительно однородна вне зависимости от уровня дохода.

Среднее время на домашний труд и вовлеченность в него снижаются с ростом дохода домохозяйства, максимальный разрыв между самыми богатыми и самыми бедными домохозяйствами составил 1,3 ч (78 мин в день). Это может быть связано с замещением домашнего труда рыночными услугами: с ростом располагаемого дохода домохозяйства получают возможность передавать часть обязанностей профессиональным поставщикам услуг (клининговые компании, службы доставки готовой еды и т. п.), тем самым высвобождая время для иных видов активности. Таким образом, именно в этой категории доход оказывает наиболее ощутимое перераспределяющее воздействие на структуру бюджета времени.

Любопытно, что в домохозяйствах с низким доходом больше, чем по другим доходным квартилям, выделяется время на досуг. Досуговое время снижается вместе с ростом дохода, но разница особенно заметна между домохозяйствами с низким и средне-низким доходами, составляя в среднем 30 мин в день. Данный паттерн может объясняться, вероятно, тем, что с ростом дохода увеличивается совокупная трудовая нагрузка.

Влияние занятости. Структура бюджетов времени граждан России зависит также и от статуса занятости. Отметим, что в рамках данного исследования Росстат выделяет следующие статусы занятости: работающие, неработающие и находящиеся в отпуске по уходу за ребенком. Тепловая карта на рис. 11 ясно показывает две больших оси различий: статус занятости (работающие и неработающие) и гендерное распределение времени. Работающие мужчины

и женщины тратят большую часть времени на работу (мужчины – в среднем 8,4 ч, женщины – 7,8 ч), тогда как у неработающих представителей обоих полов этот показатель опускается до 3,1–3,7 ч. В то же время основные физиологические потребности (сон, питание, личная гигиена) занимают заметно больше времени у неработающих (мужчины – 12,7 ч, женщины – 12,4 ч) по сравнению с работающими (мужчины – 11,1 ч, женщины – 11,2 ч), что указывает на сдвиг структуры дня при отсутствии оплачиваемой занятости.

Наиболее выраженное гендерное различие – в домашнем труде: женщины в отпуске по уходу за ребенком тратят на домашние обязанности в среднем 9 ч, что почти в 4 раза больше, чем у работающих мужчин (2,2 ч) и в 2,4 раза больше, чем у неработающих мужчин (3,7 ч). Работающие женщины также выделяют на домашнюю работу больше времени (3,3 ч) по сравнению с работающими мужчинами, но существенно меньше (в 2,7 раз), чем женщины в отпуске по уходу за ребенком. Это показывает, что уход за ребенком резко концентрирует домашние усилия на одну категорию лиц – преимущественно женщин – и перераспределяет их дневную занятость в пользу домашнего труда. Временные «жертвы» этого перераспределения видны в образовании и досуге: женщины в отпуске по уходу за ребенком располагают минимальными часами на образование (1,1 ч) и относительно низкими часами на досуг (2,3 ч), тогда как неработающие (в особенности неработающие мужчины) демонстрируют повышенные значения образования и досуга (например, образование у неработающих мужчин и женщин – 5,5 и 5,4 ч соответственно, досуг у неработающих мужчин – 5,1 ч). Иными словами, уход за ребенком сопряжен с ограничением свободного времени и возможностей для саморазвития, что может ослаблять профессиональную мобильность и социальную активность.

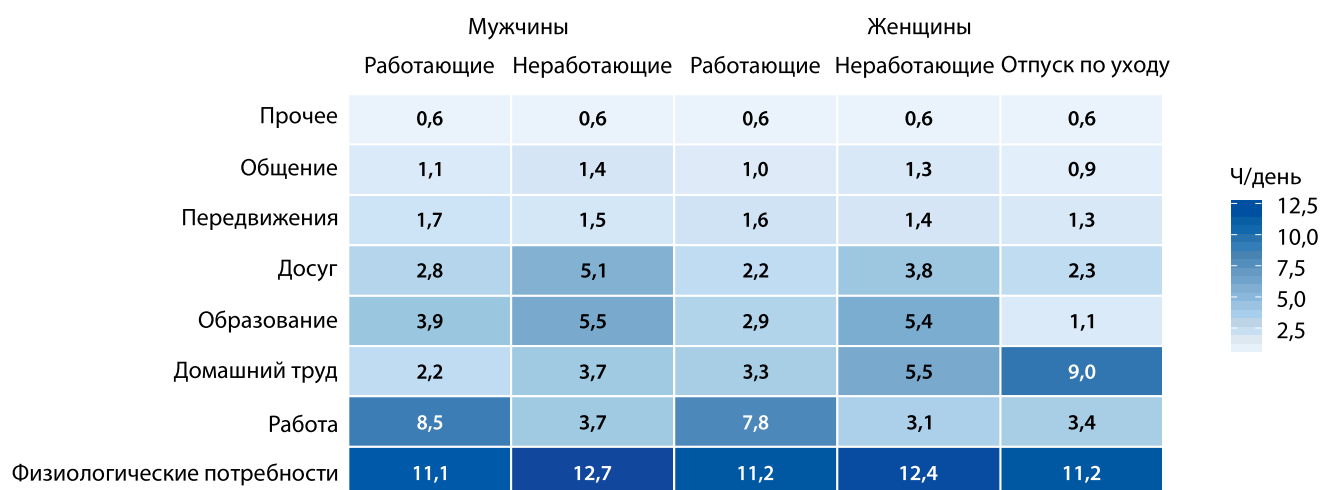

Рис. 11. Распределение бюджетов времени по статусу занятости в зависимости от пола (респонденты 15–75 лет, взвешенные данные), ч/день

Fig. 11. Time use by employment status and gender (respondents aged 15–75, weighted data), hours/day

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование структуры суточного фонда времени населения Российской Федерации выявило ряд закономерностей в распределении временных ресурсов, отражающих наличие социальных и гендерных неравенств в современном российском обществе.

Полученные результаты в целом подтверждают и дополняют выводы, представленные в дайджесте НИУ ВШЭ «Бюджеты – это не только деньги. Как мы тратим свое время» [Воронина и др., 2023]. Оба исследования фиксируют устойчивый гендерный дисбаланс в распределении неоплачиваемого домашнего труда, который сохраняется, несмотря на сопоставимую продолжительность оплачиваемой занятости мужчин и женщин. Данные НИУ ВШЭ о размытии границ между работой и личной жизнью, а также о более глубокой вовлеченности женщин в домашние и семейные дела, особенно в семьях с детьми, находят прямое подтверждение в нашем анализе. При этом использование более свежих и репрезентативных данных Росстата за 2024 г. позволяет не только верифицировать ранее выявленные тенденции, но и показать их устойчивость во времени.

По результатам анализа структура суточного бюджета времени российских граждан в возрасте 15–75 лет предопределена двумя доминирующими факторами: ритмами трудовой деятельности и биологическими потребностями организма, оставляя крайне ограниченный временной ресурс для досуга, образования, социальных взаимодействий и саморазвития. Исходя из этого можно говорить об объективных временных ограничениях, с которыми сталкивается активное население.

Женщины систематически несут двойную трудовую нагрузку: помимо участия в формальной занятости (в среднем 7,8 ч в будни), они тратят на домашний труд 3,8 ч в будни и 5,3 ч в выходные дни. Данный феномен, описываемый в научной литературе как «вторая смена», воспроизводит структурное неравенство, укорененное как в нормативных ожиданиях, так и в повседневных практиках. Феномен «второй смены» – это не просто статистический артефакт, а социальная реальность, воспроизводящаяся через миллионы ежедневных решений и привычек. Женщины в среднем теряют 3–4 ч в сутки на домашний труд, что за год составляет эквивалент *полтора месяцев круглосуточной работы*.

Гендерная дифференциация домашних обязанностей носит выраженный характер. Женщины в подавляющем большинстве (98 %) вовлечены в рутинные домашние задачи (приготовление пищи, уборка жилища, стирка, глажка), тогда как мужчины демонстрируют избирательное участие в домашнем труде, сосредоточиваясь на отдельных видах деятельности (вынос мусора, садово-огородные работы). Особенно выраженное неравенство наблюдается в сфере ухода за детьми: значительное преобладание женщин (поч-

ти в два раза больше) свидетельствует о концентрации бремени заботы у одной категории лиц.

Возрастная динамика трудовой занятости демонстрирует классическую кривую жизненного цикла: максимальная вовлеченность в оплачиваемый труд наблюдается в возрастной группе 31–50 лет, с последующим снижением при выходе на пенсию. Однако гендерный разрыв в трудовой вовлеченности сохраняется на протяжении всего рассматриваемого возрастного диапазона (от 4 до 16 п. л.), что подтверждает системный характер гендерного неравенства.

Наличие детей раннего возраста ограничивает участие женщин в оплачиваемой занятости. Матери детей до 1,5 лет затрачивают на оплачиваемую работу на 1,3 ч меньше, чем женщины без детей, при этом объем домашнего труда возрастает до 9 ч в сутки. Данная закономерность согласуется с концепцией «штрафа за материнство» и указывает на необходимость разработки политик, способствующих более равномерному распределению родительских обязанностей.

Влияние материального благосостояния домохозяйства на структуру бюджета времени оказалось менее выраженным, чем влияние гендерных и демографических факторов. С ростом доходов домохозяйства сокращается время, затрачиваемое на домашний труд, что свидетельствует о возможности его замещения рыночными услугами. Интересным результатом является обратная зависимость между доходом и досугом: в домохозяйствах с низким доходом на досуг выделяется больше времени, что может быть связано с более низкой интенсивностью трудовой занятости.

Статус занятости также выступает важной детерминантой структуры суточного фонда времени. Неработающие граждане и лица в отпуске по уходу за ребенком демонстрируют качественно иную структуру дня, характеризующуюся увеличением времени на физиологические потребности и домашний труд при одновременном сокращении времени на образование и досуг.

Полученные результаты подтверждают применимость концепции временной бедности (К. Викери) к российскому контексту и демонстрируют, что дефицит свободного времени является самостоятельным измерением социального неравенства. Женщины систематически оказываются в ситуации временной бедности относительно мужчин, что не сводимо к материальному благосостоянию и требует специального внимания в контексте управления политиками социального развития.

Выявленные закономерности имеют непосредственное отношение к актуальным дискуссиям в сфере трудового законодательства. Так, предложенные поправки к Трудовому кодексу РФ (законопроект № 1103297-8), предусматривающие увеличение предельной продолжительности сверхурочной работы до 240 ч в год, нуждаются в критическом анализе с позиции полученных данных. Результаты исследования свидетельствуют, что

значительная часть занятого населения, особенно женщины, уже находится в состоянии выраженного дефицита свободного времени. Расширение возможностей для сверхурочной занятости без внедрения компенсирующих механизмов способно усугубить существующие диспропорции в распределении временных ресурсов и усилить гендерное неравенство, поскольку женщины, несущие двойную трудовую нагрузку, окажутся в наиболее уязвимом положении. В связи с этим любые изменения трудового законодательства, затрагивающие продолжительность рабочего времени, должны сопровождаться комплексной оценкой их воздействия на структуру суточного фонда времени различных социально-демографических групп и предварительной апробацией на пилотных площадках с измерением социальных эффектов.

На уровне государственной политики занятости результаты исследования обосновывают необходимость переориентации подходов к организации трудовой деятельности с целью обеспечения более справедливого распределения временных ресурсов. Это предполагает разработку стандартов и стимулов для внедрения гибких форм занятости, включая сжатые рабочие недели, асинхронные графики и дистанционную занятость. Международный опыт реализации пилотных программ четырехдневной рабочей недели (Исландия, Великобритания, Япония) демонстрирует, что сокращение рабочего времени без снижения производительности не только реализуемо, но и сопровождается улучшением субъективного благополучия работников и более равномерным распределением домашних обязанностей между партнерами.

В области фискальной политики результаты настоящего исследования обосновывают целесообразность введения налоговых вычетов и субсидий на услуги, замещающие неоплачиваемый домашний труд: профессиональный уход за детьми и пожилыми людьми, клининг, доставку готовых продуктов питания и иные виды аутсорсинга бытовых функций. Подобный механизм преследует одновременно несколько взаимосвязанных целей. Во-первых, он снижает издержки приобретения рыночных субститутов домашнего труда, делая их доступными для домохозяйств со средним уровнем дохода, а не только для состоятельных слоев населения. Во-вторых, расширение платежеспособного спроса на данные услуги способствует развитию соответствующей отрасли и созданию рабочих мест. В-третьих, такая политика может способствовать более справедливому распределению времени между членами домохозяйства.

Институциональные и фискальные меры не могут быть в полной мере эффективны в отсутствие трансформации культурных норм, регулирующих распределение домашних обязанностей. Данные исследования подтверждают, что временное неравенство воспроизводится не только вследствие структурных

ограничений, но и в результате устойчивых гендерных ожиданий, разделяемых как мужчинами, так и женщинами. Изменение этих норм представляет долгосрочный процесс, требующий системного вмешательства на нескольких уровнях одновременно: включения тематики гендерного равенства в образовательные программы, формирования соответствующей повестки в медиапространстве, а также целенаправленных просветительских кампаний, адресованных различным социально-демографическим группам. Наибольший эффект может быть достигнут при сочетании нормативных изменений с материальными стимулами: например, введение оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком для отцов, не подлежащего передаче матери. Подобные практики могут постепенно трансформировать соответствующие социальные ожидания.

На уровне управления человеческими ресурсами результаты исследования актуализируют необходимость совершенствования корпоративных программ поддержки баланса между работой и личной жизнью. Такие программы должны быть адаптированы с учетом гендерных и семейных характеристик сотрудников. Хотя многие современные компании уже декларируют применение гибких графиков, корпоративных услуг по уходу за детьми и возможности временного снижения нагрузки, практика показывает наличие скрытых барьеров, препятствующих их полноценному использованию. Особое внимание следует уделять периодам повышенных семейных обязанностей (например, при наличии детей раннего возраста или необходимости ухода за пожилыми родителями), когда инструменты должны не просто формально присутствовать, но и активно продвигаться среди сотрудников как социально одобряемые и не влекущие негативных карьерных последствий.

Наше исследование основано на данных 1–2 дней наблюдения на респондента, что может недостаточно полно отражать сезонные колебания, долгосрочные тренды и исключительные события (болезнь, отпуск, праздники). Кроме того, методология дневников времени не позволяет полностью уловить качественные аспекты временного опыта: переживание спешки, фрагментированности времени, многозадачности, которые могут быть особенно острыми для некоторых индивидов, совмещающих несколько видов деятельности одновременно.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на анализ долгосрочных трендов в структуре бюджета времени с использованием сравнительных данных 2014, 2019 и 2024 гг.; изучение качественных аспектов использования времени и субъективного восприятия временной бедности; анализ влияния технологических изменений и цифровизации на структуру суточного фонда времени; разработку дифференцированных политик, учитывающих специфику различных социально-демографических групп. ■

Источники

- Барсукова С.Ю., Радаев В.В. (2000). Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. Социология. Этнология. Т. 9, № 4. С. 65–102.
- Воронина Н.Д., Нагерняк М.А., Михайлова Н.С., Тер-Акопов С.А. (2023). Бюджеты – это не только деньги. Как мы тратим свое время? // Научный дайджест Центра междисциплинарных исследований человеческого потенциала. № 3 (20). [https://www.hse.ru/data/2023/04/25/2028200119/Human_Capital_NCMU_Digest_20_Time-Budgets_2023%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2023/04/25/2028200119/Human_Capital_NCMU_Digest_20_Time-Budgets_2023%20(1).pdf).
- Евстифеева Г.Г. (2013). Гендерная структура домашнего труда в городской семье // Регионоведение. № 1 (82). С. 93–96.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (1998). Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. № 3–4. С. 111–122.
- Калабихина И.Е., Ребрей С.М. (2020). Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. № 3. С. 65–77. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.6>
- Калабихина И.Е., Шайкенова Ж.К. (2018). Оценка трансфертов времени внутри домохозяйств // Демографическое обозрение. Т. 5, № 4. С. 36–65. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8662>
- Калабихина И.Е., Шайкенова Ж.К. (2019). Затраты времени на домашнюю работу: детерминанты гендерного неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (151). С. 261–285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15>
- Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. (2024). Изменения уровня занятости и продолжительности работы в подсобных хозяйствах в постсоветский период // Уровень жизни населения регионов России. Т. 20, № 3. С. 415–424. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_7_415_424
- Лыткина Т.С. (2004). Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. № 9. С. 85–91.
- Макаренцева А.О., Бирюкова С.С., Третьякова Е.А. (2017). Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (138). С. 97–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.06>
- Мезенцева Е.Б. (2003). Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической рациональности против логики гендерной идентичности? // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. Москва: Международная организация труда. С. 50–71.
- Натсак О.Д. (2022). Гендерное распределение домашнего труда в тувинских семьях // Векторы благополучия: экономика и социум. Т. 44, № 1. С. 79–90. <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1144>
- Струмилин С.Г. (1924). Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–1923 гг. Москва: Вопросы труда.
- Хоткина З.А. (2024). Работа и семья: гендерное неравенство в распределении денег и времени // Народонаселение. Т. 27, № S1. С. 147–160. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-147-160>
- Черных Е.А., Коровкина Н.В., Леонидова Г.В. (2025). Неформальная занятость: проблемы баланса «работа – личная жизнь» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18, № 6. С. 194–210. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.6.102.9>
- Черных Е.А., Назарова У.А., Локтюхина Н.В. (2023). Женщины с семейными обязанностями на российском рынке труда: особенности трудового поведения и совершенствование политики занятости // Женщина в российском обществе. № 2. С. 14–36. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.2>
- Шабунова А.А., Леонидова Г.В. (2023). Баланс работы и семьи: оценки успешных работающих родителей // Народонаселение. Т. 26, № 1. С. 123–134. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.10>
- Шайкенова Ж.К. (2019). Гендерное неравенство в распределении домашних обязанностей // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 2. С. 158–186. <https://doi.org/10.38050/01300105201929>
- Becker G.S. (1965). A theory of the allocation of time. *The Economic Journal*, vol. 75, issue 299, pp. 493–517. <https://doi.org/10.2307/2228949>
- Bianchi S.M., Milkie M.A., Sayer L.C., Robinson J.P. (2000). Is anyone doing the housework? Trends in the gender division of household labor. *Social Forces*, vol. 79, no. 1, pp. 191–228.
- Bianchi S.M., Sayer L.C., Milkie M.A., Robinson J.P. (2012). Housework: Who did, does or will do it, and how much does it matter? *Social Forces*, vol. 91, issue 1, pp. 55–63. <https://doi.org/10.1093/sf/sos120>
- Blood R.O. Jr., Wolfe D.M. (1960). *Husbands and wives: The dynamics of married living*. New York: Free Press.
- Brines J. (1994). Economic dependency, gender, and the division of labor at home. *American Journal of Sociology*, vol. 100, no. 3, pp. 652–688. <https://doi.org/10.1086/230577>
- Budig M.J., England P. (2001). The wage penalty for motherhood. *American Sociological Review*, vol. 66, no. 2, pp. 204–225. <https://doi.org/10.2307/2657415>
- Carmichael F., Ercolani M.G. (2016). Unpaid caregiving and paid work over life-courses: Different pathways, diverging outcomes. *Social Science & Medicine*, vol. 156, pp. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2016.03.020>
- Correll S.J., Benard S., Paik I. (2007). Getting a job: Is there a motherhood penalty? *American Journal of Sociology*, vol. 112, no. 5, pp. 1297–1339. <https://doi.org/10.1086/511799>
- Fisher K., Gershuny J. (2013). Coming full circle – Introducing the multinational time use study simple file. *Electronic International Journal of Time Use Research*, vol. 10, no. 1, pp. 91–111. <https://doi.org/10.13085/eIJTUR.10.1.91-111>
- Friedemann-Sánchez G., Griffin J.M. (2011). Defining the boundaries between unpaid labor and unpaid caregiving: Review of the social and health sciences literature. *Journal of Human Development and Capabilities*, vol. 12, issue 4, pp. 511–534. <https://doi.org/10.1080/19452829.2011.613370>

- Gangl M., Ziefle A. (2009). Motherhood, labor force behavior, and women's careers: An empirical assessment of the wage penalty for motherhood in Britain, Germany, and the United States. *Demography*, vol. 46, issue 2, pp. 341–369. <https://doi.org/10.1353/dem.0.0056>
- Gershuny J., Harms T., Doherty A., Thomas E., Milton K., Kelly P., Foster C. (2020). Testing self-report time-use diaries against objective instruments in real time. *Sociological Methodology*, vol. 50, issue 1, pp. 318–349. <https://doi.org/10.1177/0081175019884591>
- Giddens A. (1984). *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Cambridge: Polity Press
- Grundy E., Henretta J.C. (2006). Between elderly parents and adult children: A new look at the intergenerational care provided by the 'sandwich generation'. *Ageing and Society*, vol. 26, issue 5, pp. 707–722. <https://doi.org/10.1017/s0144686x06004934>
- Hochschild A., Machung A. (1989). *The second shift: Working parents and the revolution at home*. New York: Viking.
- Hochschild A., Machung A. (2012). *The second shift: Working families and the revolution at home*. New York: Penguin Books.
- Hook J.L. (2006). Care in context: Men's unpaid work in 20 countries, 1965–2003. *American Sociological Review*, vol. 71, issue 4, pp. 639–660. <https://doi.org/10.1177/000312240607100406>
- Kan M.Y., Sullivan O., Gershuny J. (2011). Gender convergence in domestic work: Discerning the effects of interactional and institutional barriers from large-scale data. *Sociology*, vol. 45, issue 2, pp. 234–251. <https://doi.org/10.1177/0038038510394014>
- Killewald A., Gough M. (2010). Money isn't everything: Wives' earnings and housework time. *Social Science Research*, vol. 39, issue 6, pp. 987–1003. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.08.005>
- Kleven H., Landais C., Sogaard J.E. (2019). Children and gender inequality: Evidence from Denmark. *American Economic Journal: Applied Economics*, vol. 11, no. 4, pp. 181–209. <https://doi.org/10.1257/app.20180010>
- Lachance-Grzela M., Bouchard G. (2010). Why do women do the lion's share of housework? A decade of research. *Sex Roles*, vol. 63, pp. 767–780. <https://doi.org/10.1007/s11199-010-9797-z>
- Lundberg S., Pollak R.A. (1996). Bargaining and distribution in marriage. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 10, no. 4, pp. 139–158. <https://doi.org/10.1257/jep.10.4.139>
- Mogilner C., Whillans A., Norton M.I. (2018). Time, money, and subjective well-being. In: E. Diener, S. Oishi, L. Tay. (Eds.). *Handbook of well-being*. Salt Lake City: DEF Publishers.
- Perkins H.W., DeMeis D.K. (1996). Gender and family effects on the "second-shift" domestic activity of college-educated young adults. *Gender & Society*, vol. 10, issue 1, pp. 78–93. <https://doi.org/10.1177/089124396010001006>
- Schneider D. (2012). Gender deviance and household work: The role of occupation. *American Journal of Sociology*, vol. 117, no. 4, pp. 1029–1072. <https://doi.org/10.1086/662649>
- Sullivan O., Gershuny J., Grignon Perez J.L. de (2025). *Time use diary design for our times: General principles for online design (ESCoE Discussion Paper no. 2025-07)*. London: Economic Statistics Centre of Excellence.
- Thompson L. (1991). Family work: Women's sense of fairness. *Journal of Family Issues*, vol. 12, issue 2, pp. 181–196. <https://doi.org/10.1177/019251391012002003>
- Vickery C. (1977). The time-poor: A new look at poverty. *The Journal of Human Resources*, vol. 12, no. 1, pp. 27–48. <https://doi.org/10.2307/145597>
- Yavorsky J.E., Kamp Dush C.M., Schoppe-Sullivan S.J. (2015). The production of inequality: The gender division of labor across the transition to parenthood. *Journal of Marriage and Family*, vol. 77, issue 3, pp. 662–679. <https://doi.org/10.1111/jomf.12189>

References

- Barsukova S.Yu., Radaev V.V. (2000). The gender legend: Principles governing the division of labour between spouses in the modern urban family. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya / Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 9, no. 4, pp. 65–102. (in Russ.)
- Voronina N.D., Nagernyak M.A., Mikhaylova N.S., Ter-Akopov S.A. (2023). *Budgets are not just about money. How do we spend our time? (Research Digest from the Centre for Interdisciplinary Research into Human Potential no. 3 (20))*. Moscow: HSE University. (in Russ.)
- Evstifeeva G.G. (2013). Gender structure of housework in urban family. *Regionologiya / Russian Journal of Regional Studies*, no. 1 (82), pp. 93–96. (in Russ.)
- Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. (1998). The social construction of gender. *Sotsiologicheskij zhurnal / Sociological Journal*, no. 3/4, pp. 111–122. (in Russ.)
- Kalabikhina I.E., Rebrey S.M. (2020). Household chores amid pandemic: Russia's case. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve / Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 65–77. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.6>. (in Russ.)
- Kalabikhina I.E., Shaykenova Zh.K. (2018). An estimation of household time transfers within households. *Demograficheskoe obozrenie / Demographic Review*, vol. 5, no. 4, pp. 36–65. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i4.8662>. (in Russ.)
- Kalabikhina I.E., Shaykenova Zh.K. (2019). Time spent on household work: The determinants of gender inequality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny / Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 3 (151), pp. 261–285. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.15>. (in Russ.)
- Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. (2024). Changes in employment levels and working hours in subsidiary plots in the post-Soviet period. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii / Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, vol. 20, no. 3, pp. 415–424. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_3_7_415_424. (in Russ.)
- Lytkina T.S. (2004). Home labor and gender power partition in the family. *Sotsiologicheskie issledovaniya / Sociological Studies*, no. 9, pp. 85–91. (in Russ.)

- Makarentseva A.O., Biryukova S.S., Tretyakova E.A. (2017). Perceptions of time spent on housework among men and women. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny / Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 2 (138), pp. 97–114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.06>. (in Russ.)
- Mezentseva E.B. (2003). Men and women in the domestic labour: The logic of economic rationality vs. The logic of gender identity? (pp. 50–71). In: *Gender equality: Seeking solutions to old problems*. Moscow: International Labour Organization. (in Russ.)
- Natsak O.D. (2022). Gender division of domestic work in Tuvan families. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium / Journal of Wellbeing Technologies*, vol. 44, no. 1, pp. 79–90. <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1144>. (in Russ.)
- Strumilin S.G. (1924). *The time budget of Russian workers and peasants in 1922–1923*. Moscow: Voprosy truda Publ. (in Russ.)
- Khotkina Z.A. (2024). Work and family: Gender inequalities in the distribution of money and time. *Narodonaselenie / Population*, vol. 27, no. S1, pp. 147–160. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-147-160>. (in Russ.)
- Chernykh E.A., Korovkina N.V., Leonidova G.V. (2025). Informal employment: Problems of work-life balance. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 18, no. 6, pp. 194–210. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.6.102.9>. (in Russ.)
- Chernykh E.A., Nazarova U.A., Loktyukhina N.V. (2023). Women with family responsibilities in the Russian labor market: Features of labor behavior and improvement of employment policy. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve / Woman in Russian Society*, no. 2, pp. 14–36. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.2>. (in Russ.)
- Shabunova A.A., Leonidova G.V. (2023). Work-family balance: Assessments of successful working parents. *Narodonaselenie / Population*, vol. 26, no. 1, pp. 123–134. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.1.10>. (in Russ.)
- Shaykenova Zh.K. (2019). Gender inequality in the distribution of household duties. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika / Moscow University Economic Bulletin*, no. 2, pp. 158–186. <https://doi.org/10.38050/01300105201929>. (in Russ.)
- Becker G.S. (1965). A theory of the allocation of time. *The Economic Journal*, vol. 75, issue 299, pp. 493–517. <https://doi.org/10.2307/2228949>
- Bianchi S.M., Milkie M.A., Sayer L.C., Robinson J.P. (2000). Is anyone doing the housework? Trends in the gender division of household labor. *Social Forces*, vol. 79, no. 1, pp. 191–228.
- Bianchi S.M., Sayer L.C., Milkie M.A., Robinson J.P. (2012). Housework: Who did, does or will do it, and how much does it matter? *Social Forces*, vol. 91, issue 1, pp. 55–63. <https://doi.org/10.1093/sf/sos120>
- Blood R.O. Jr., Wolfe D.M. (1960). *Husbands and wives: The dynamics of married living*. New York: Free Press.
- Brines J. (1994). Economic dependency, gender, and the division of labor at home. *American Journal of Sociology*, vol. 100, no. 3, pp. 652–688. <https://doi.org/10.1086/230577>
- Budig M.J., England P. (2001). The wage penalty for motherhood. *American Sociological Review*, vol. 66, no. 2, pp. 204–225. <https://doi.org/10.2307/2657415>
- Carmichael F., Ercolani M.G. (2016). Unpaid caregiving and paid work over life-courses: Different pathways, diverging outcomes. *Social Science & Medicine*, vol. 156, pp. 1–11. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2016.03.020>
- Correll S.J., Benard S., Paik I. (2007). Getting a job: Is there a motherhood penalty? *American Journal of Sociology*, vol. 112, no. 5, pp. 1297–1339. <https://doi.org/10.1086/511799>
- Fisher K., Gershuny J. (2013). Coming full circle – Introducing the multinational time use study simple file. *Electronic International Journal of Time Use Research*, vol. 10, no. 1, pp. 91–111. <https://doi.org/10.13085/eIJTUR.10.1.91-111>
- Friedemann-Sánchez G., Griffin J.M. (2011). Defining the boundaries between unpaid labor and unpaid caregiving: Review of the social and health sciences literature. *Journal of Human Development and Capabilities*, vol. 12, issue 4, pp. 511–534. <https://doi.org/10.1080/19452829.2011.613370>
- Gangl M., Ziefle A. (2009). Motherhood, labor force behavior, and women's careers: An empirical assessment of the wage penalty for motherhood in Britain, Germany, and the United States. *Demography*, vol. 46, issue 2, pp. 341–369. <https://doi.org/10.1353/dem.0.0056>
- Gershuny J., Harms T., Doherty A., Thomas E., Milton K., Kelly P., Foster C. (2020). Testing self-report time-use diaries against objective instruments in real time. *Sociological Methodology*, vol. 50, issue 1, pp. 318–349. <https://doi.org/10.1177/0081175019884591>
- Giddens A. (1984). *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Cambridge: Polity Press
- Grundy E., Henretta J.C. (2006). Between elderly parents and adult children: A new look at the intergenerational care provided by the 'sandwich generation'. *Ageing and Society*, vol. 26, issue 5, pp. 707–722. <https://doi.org/10.1017/s0144686x06004934>
- Hochschild A., Machung A. (1989). *The second shift: Working parents and the revolution at home*. New York: Viking.
- Hochschild A., Machung A. (2012). *The second shift: Working families and the revolution at home*. New York: Penguin Books.
- Hook J.L. (2006). Care in context: Men's unpaid work in 20 countries, 1965–2003. *American Sociological Review*, vol. 71, issue 4, pp. 639–660. <https://doi.org/10.1177/000312240607100406>
- Kan M.Y., Sullivan O., Gershuny J. (2011). Gender convergence in domestic work: Discerning the effects of interactional and institutional barriers from large-scale data. *Sociology*, vol. 45, issue 2, pp. 234–251. <https://doi.org/10.1177/0038038510394014>
- Killewald A., Gough M. (2010). Money isn't everything: Wives' earnings and housework time. *Social Science Research*, vol. 39, issue 6, pp. 987–1003. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.08.005>
- Kleven H., Landais C., Sogaard J.E. (2019). Children and gender inequality: Evidence from Denmark. *American Economic Journal: Applied Economics*, vol. 11, no. 4, pp. 181–209. <https://doi.org/10.1257/app.20180010>
- Lachance-Grzela M., Bouchard G. (2010). Why do women do the lion's share of housework? A decade of research. *Sex Roles*, vol. 63, pp. 767–780. <https://doi.org/10.1007/s11199-010-9797-z>

- Lundberg S., Pollak R.A. (1996). Bargaining and distribution in marriage. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 10, no. 4, pp. 139–158. <https://doi.org/10.1257/jep.10.4.139>
- Mogilner C., Whillans A., Norton M.I. (2018). Time, money, and subjective well-being. In: E. Diener, S. Oishi, L. Tay. (Eds.). *Handbook of well-being*. Salt Lake City: DEF Publishers.
- Perkins H.W., DeMeis D.K. (1996). Gender and family effects on the “second-shift” domestic activity of college-educated young adults. *Gender & Society*, vol. 10, issue 1, pp. 78–93. <https://doi.org/10.1177/089124396010001006>
- Schneider D. (2012). Gender deviance and household work: The role of occupation. *American Journal of Sociology*, vol. 117, no. 4, pp. 1029–1072. <https://doi.org/10.1086/662649>
- Sullivan O., Gershuny J., Grignon Perez J.L. de (2025). *Time use diary design for our times: General principles for online design (ESCoE Discussion Paper no. 2025-07)*. London: Economic Statistics Centre of Excellence.
- Thompson L. (1991). Family work: Women's sense of fairness. *Journal of Family Issues*, vol. 12, issue 2, pp. 181–196. <https://doi.org/10.1177/019251391012002003>
- Vickery C. (1977). The time-poor: A new look at poverty. *The Journal of Human Resources*, vol. 12, no. 1, pp. 27–48. <https://doi.org/10.2307/145597>
- Yavorsky J.E., Kamp Dush C.M., Schoppe-Sullivan S.J. (2015). The production of inequality: The gender division of labor across the transition to parenthood. *Journal of Marriage and Family*, vol. 77, issue 3, pp. 662–679. <https://doi.org/10.1111/jomf.12189>

Информация об авторах**Information about the authors****Скачкова Людмила Сергеевна**

Доктор экономических наук, заведующий кафедрой управления человеческими ресурсами. Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, РФ. E-mail: lsskachkova@sfedu.ru

Кривошеева-Медянцева Дарья Дмитриевна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры управления человеческими ресурсами. Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, РФ. E-mail: darkr@sfedu.ru

Lyudmila S. Skachkova

Dr. Sc. (Econ.), Head of HR Management Dept. Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: lsskachkova@sfedu.ru

Darya D. Krivosheeva-Medyantseva

Cand. Sc. (Econ.), Associate Professor of HR Management Dept. Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: darkr@sfedu.ru